

1.2. Коммуникативное пространство Витебского региона

Регионализация – это процесс, интенсифицировавшийся в последние годы, что привело к формированию региональной идентичности, т.е. к появлению в массовом сознании соотнесения себя с региональным локусом. Популярность региональных исследований привела к образованию *регионалистики* – комплексной гуманитарной дисциплины, которая «изучает процессы деятельности и существования человека и создаваемую им культуру во взаимодействии с окружающей средой в рамках компактного географического пространства, региона» [89, с.171; 95].

Хотя в Республике Беларусь исследование региональных лингвокультур только начинается, во многих регионах России (Волгоград, Красноярск, Магадан, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Чита и др.), по данным сайтов Интернета, имеются научно-исследовательские лаборатории, занимающиеся изучением проблем региональной лингвистики. Вышел ряд работ, например, «Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики» под ред. А. А. Соколянского, (Магадан, 2008); появились словари региональной лексики – «Регионализмы г. Екатеринбурга» (Екатеринбург, 2007); «Словарь современного русского города» под ред. Б. И. Осипова (М., 2003); создан онлайн-словарь «Языки русских городов» (под рук. В. И. Беликова) и др. В результате их деятельности подтверждается русская пословица *Что ни город, то норов*.

К исследованию категории коммуникативного пространства необходим интегративный подход – с позиции философии, психологии, социологии, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики и других наук. Его основой является философское осмысление пространства, в фундаменте которого лежит понимание того, что разные виды деятельности человека формируют свои пространства [21, с. 12; 105]. Без понятия *коммуникативное пространство* сейчас трудно обойтись не только в лингвокультурологии, но и в коммуникативной лингвистике и прагмалингвистике. По мнению Б. М. Гаспарова, коммуникативное пространство – это целостная коммуникативная среда [31, с. 97]. Схожего мнения придерживаются В. В. Макаров [61], Г.Г. Почепцов и другие.

Наше понимание категории коммуникативного пространства основывается на теории коммуникации Н. Лумана [60], а также теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Коммуникативное пространство рассматривается как среда, в которой протекают социальные, культурные, духовные процессы. Это социокультурное пространство: оно функционирует в социуме с учетом культурных параметров. В отличие, например, от грамматических категорий, которые образуют замкнутую систему, категория коммуникативного пространства открыта и незавершена, хотя и имеет регулярные способы выражения. Категоризирующий признак в них – коммуникативно-прагматический и культурно-географический.

В коммуникативном пространстве такого региона как Витебщина, если попытаться его моделировать, можно выделить несколько экстралингвистических составляющих: 1) место формирования коммуникативного пространства – данный регион, в границах которого происходит коммуникативное взаимодействие; 2) время, которое избирается для анализа состояния коммуникативного пространства; 3) коммуниканты как ядро коммуникативного пространства, языковая личность, социальные роли, тактики и стратегии коммуникации; 4) язык жителей региона; 5) совокупность сфер общения – СМИ и т.п.; 6) учет культурных особенностей региона – материальные ценности, природные объекты, прецедентные имена региона, духовная культура (обряды, традиции, ценности); 7) культурно-коммуникативное пространство городов региона. Рассмотрим эти составляющие коммуникативного пространства региона.

1. Место коммуникации – Витебский регион, который является центром Белорусского Поозерья [25]. Это уникальный регион, волею истории оказавшийся на перекрестке путей европейской цивилизации. *Витебское Поозерье/Подвинье* принадлежит к числу древних земель, которые были заселены племенами кривичей, обитавших в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги. Опираясь на данные археологии, можно говорить о том, что на Витебщине последовательно сменились финно-угорские, балтские и славянские племена, что оставило свой след в топонимике и особенно гидронимике, где нашел отражение процесс взаимовлияния языков, культур, начиная с дохристианских времен. К началу письменной истории восточных славян (нач. XI в.) окружающие славян народы (и сами они) называли Русью большую территорию от Карпат на западе до верховьев Оки на востоке и от реки Волхов на севере до нижнего течения Днепра на юге. Сюда входила и Витебщина. Особую известность этим землям принес торговый путь «из варяг в греки», который, по мнению историков, сложился к IX веку. Упоминание о нем встречается в «Повести временных лет».

Далее Витебский регион формировался так. После 1-го раздела Речи Посполитой (1772) значительная часть Полоцкого и Витебского края присоединилась к Псковской губернии. А из части земель бывших Мстиславского, Витебского и Минского воеводств Великого Княжества Литовского образовались Могилевская и Витебская губернии. Могилевская губерния включала

Оршанскую провинцию, ныне принадлежащую Витебщине. К Витебской губернии относились, наряду с Витебским, Городокским, Двинским, Полоцким, Дриссенским, Лепельским уездами, также Велижский, Невельский, Режицкий, Себежский уезды, ныне относящиеся к России.

С данным регионом связаны многие воинские победы: воины земли Витебской защищали рубежи Речи Посполитой, много героев-защитников дала эта земля и в период Великой Отечественной войны. Сейчас именно Витебщине было суждено стать связующим звеном между Востоком (Россией) и Западом (Европой). Это богатейший и интереснейший в культурном отношении регион, включающий в себя 21 район, центрами которых являются небольшие города и поселки городского типа. Таковых в регионе насчитывается 42, а также 1057 сельских населенных пунктов.

2. Время коммуникации – 2-е десятилетие XXI века. Если более отдаленное от нас время с большей или меньшей глубиной, но все же нашло отражение в научной литературе, то текущее десятилетие исследовано значительно слабее. Сейчас активизировались как старые – телевидение, так и новые виды коммуникации – интернет- и SMS-общение, в том числе и в регионах. Новые виды вытесняют обычное общение с глазу на глаз, которое заменяется SMS-общением; редкими становятся встречи и общение в больших семьях, в которые ранее включались родственники, друзья и даже соседи.

3. Коммуниканты как ядро коммуникативного пространства, языковая личность и социальные роли, тактики и стратегии.

Как указывала Т. В. Поплавская, параметры коммуникативного контекста постоянны. А вот значения этих параметров специфические не только для каждого исторического периода и каждой культуры, но и для каждой ситуации [86].

В настоящее время в Витебском регионе различные социальные группы и слои общества взаимосвязаны и представляют собой социальную структуру, которую образуют группы жителей, объединенных по национальному/этническому признакам, по полу, возрасту, по семейным и дружеским отношениям, по профессии, образованию и т.д.

Сегодня известен целый ряд концепций личности, которые объясняют процесс взаимодействия людей в группах (поведенческая, психоаналитическая, статусная и т.п.). Думается, что наиболее важна ролевая концепция, исследующая множество ролей личности, которые та выполняет даже в течение одного дня, – роль отца, друга, сына, пассажира, покупателя, роль профессионала, статусные роли и др. Правила ролевого поведения – важное условие социального взаимодействия, и от их знания и соблюдения во многом зависит успешность общения.

Региональная языковая личность основана на регионально маркированных знаниях, ценностях, представлениях, которые репрезентированы различными языковыми средствами. В коммуникации региональная языковая личность реализует свое коммуникативное намерение в соответствии с принятыми в данном социуме правилами и нормами общения. Региональные

знания и ценностные ориентиры – это не только нормы, обычаи и культурные традиции и символы, а также сведения о реальных артефактах (замках, крепостях, храмах и др.), о природных объектах (реках, озерах, заповедниках), но и знания о выдающихся личностях – творцах культуры, науки, цивилизации, т.е. прецедентные в регионе имена собственные – антропонимы, топонимы, гидронимы и т.д.

В лингвистике вообще (и в региональной в частности) широко используется понятие *языковая личность*, первое обращение к которой связано с именем немецкого ученого Л. Вейсгербера (*Sprachliche Personlichkeit*). Хотя данный термин исследуется целым рядом наук, наилучших результатов достигли именно лингвисты. С их точки зрения, важны способности к общению личности, ее речевому поведению, речевому мышлению, т.е. в центре различных концепций (Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, В. И. Карасика и др.) находится «человек говорящий» (*homo loquens*). С этих позиций нами описаны языковые личности поэта Витебщины, витебского студента ученого-богослова К. Е. Скурата [95].

Важной характеристикой личности является ее статус в обществе, причем это может быть личный (касается малой или первичной группы – семьи, круга друзей) или социальный статус (касается большой социальной группы – национальности, профессии и др.). Еще М. М. Покровский обращал внимание на изменения значений слов в языке, которые имеют социальную (профессиональную) природу, и приводил такие примеры о пьяном человеке разных профессий: *портной настегался* или *наутюжился*, *сапожник настукался*, *солдат употребил*, *барин налимонился*, *лакей нализался* и т.д.

Социальный статус делят на приписываемый и достигаемый. Приписываемый статус личность получает от рождения – пол, возраст, родственные связи. Достигаемый статус складывается в результате собственных усилий человека – профессии, должности и т. д. Социальные статусы различных социальных групп могут быть престижными или не очень, они определяют их положение в обществе. При этом уровень престижности может меняться, например, престиж ученого, рабочего занижены в современном обществе.

Характеристика коммуникативного пространства включает в себя также учет стратегий и тактик, в соответствии с которыми строится общение. Под стратегией мы понимаем направленность речевого поведения в интересах достижения коммуникативной цели (О. С. Иссерс, О. Н. Паршина, Т. В. Поплавская, С. Voss). Фактически это выбор адресантом определенных языковых средств для достижения желаемого прагматического эффекта. Стратегия – один из принципиально возможных путей к той или иной цели. Она реализуется через использование ряда тактик. В отличие от тактики, которая формируется и управляется самим деятелем, стратегия им лишь избирается. Свободно избранная им, стратегия затем навязывает говорящему/пишущему базовые параметры его коммуникативного поведения.

4. Язык – важнейшая составляющая коммуникативного пространства региона, это самоорганизующаяся, самоопределяющаяся и динамичная система, которая плохо поддается регулированию. Так, В. А. Звегинцев писал: «Даже тогда, когда язык как будто удаётся подчинить жестким правилам формального устава, язык в действительности ускользает от своего укротителя, оставляя в его руках лишь внешнюю оболочку, структуру...» [43, с. 301]. Поэтому язык невозможно изменить, его можно только фиксировать. В России (и Беларуси) всегда с чем-либо в языке боролись, причем безуспешно: в XVIII веке – с засильем немецкого и голландского, в XIX – с галлицизмами, сейчас – с англицизмами, а уж совсем «сейчас» – с «олбанским». Но мы хотя бы немного, но управляем языком – не запретами, законами, а переменной социальных практик: изменения в политической, социальной и других сферах жизни приводят к тому, что язык на них реагирует.

На Витебщине сложилась следующая языковая ситуация: основным языком общения большинства жителей региона является русский, в то время как около 80% назвали родным языком белорусский. Русско-белорусское двуязычие в нашем регионе – это реальность сегодняшнего дня. И с этой точки зрения регион также уникален и требует детального исследования.

До сих пор в Республике Беларусь языки регионов не исследуются, даже сама проблема региональных языков в стране еще не поставлена, в отличие от германской, французской и даже русской лингвистики. Справедливости ради нужно сказать, что региональные языки все же изучаются как языки поселенцев, компактно проживающих в иноязычном сообществе [18; 84]. При этом в Беларуси активно изучаются диалекты, хотя известно, что диалектом владеет малограмотное население сельской местности. В республике, стране сплошной грамотности, вместо диалектов нужно исследовать региональные языки, в которых могут быть отдельные вкрапления диалектного характера, в основном это лексические единицы.

Наш интерес к региональным проблемам языка объясняется несколькими факторами: во-первых, частичной децентрализацией политической и экономической жизни многих крупных регионов, каким является, например, Витебщина; во-вторых, мировой тенденцией движения в защиту регионализма и т. д.; но, главное – в осознанием опасности нивелирующего начала цивилизации XXI века. Поэтому на первый план выдвигается регион как основная административно-политическая и культурно-языковая единица.

К важнейшим вопросам регионалистики следует отнести ряд лингвистических проблем: соотношения не только понятий *литературный язык* и *региональные варианты*, но и лингвокраеведения и диалектологии; лингвокраеведения и социолингвистики, лингвокультурологии и регионального ономастикона и др. Регионализация проявляется в возвращении к проблемам регионального фольклора, обрядов, обычаев, этнографических реалий.

Если вначале понятия регионального языка и диалекта фактически не дифференцировались, то сейчас, когда диалекты в целом и Витебского региона в частности изучены довольно основательно (еще в 1927 г.

Н. Касперовичем был создан «Віцебскі краёвы слоўнік», который включал 9 703 слова, зафиксированных в 591 населенном пункте, в 2012 г. издан более полный «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» [11]), стало понятно, что язык региона – это не только местные диалекты. Сюда, кроме них, можно отнести неологизмы советского периода (советизмы) – *линия партии, целинник, бракодел* [54], неологизмы начала XXI в. (*чтанутые, нафейсбученные*), региональные названия учреждений (*Витебский госуниверситет, сеть магазинов «Витебские продукты»*), организаций (*«Витебскстрой»*), названия жителей региона (*витеблянин/витебчанин, орианец, полочанин*), имена великих людей Витебщины (*А. Ф. Лосев, М. Шагал, И. Ретин, Ю. Пэн, П. Машеров, Ж. Алферов*) и т.д.

Одним из явлений регионального языка можно назвать *новояз*. Данный термин *nowotowa* ввела в лингвистический обиход польская исследовательница М. Гловиньски в 1991 г., но еще ранее (1949) его придумал Дж. Оруэл – *new speak*. Это квазиязык, хотя он и имеет определенную фразеологию, предпочтения в выборе лексики. В. П. Григорьев отметил время рождения и причины данного явления: «70 лет наблюдается стремление ввергнуть язык в “крепостное состояние”, развивается “дубовость” языка». В противовес ему рождается новояз.

Современные исследователи выделяют 3 типа новояза: 1) пропагандистский, 2) бюрократический, 3) кичево-народный. На Витебщине первый тип новояза нам не встретился, в основном распространен его третий тип, фактически это городской жаргон в его разновидности – стеб как вид интеллектуального ерничанья.

Наибольшее число новых слов и выражений появилось в сфере хозяйственной деятельности и финансов: *государственный карман* (о казне), *финансовая пирамида, дотационная игла, компьютерная вирусология, валютная интервенция, транш МВФ, запустить печатный станок, не целевое использование средств* и под. Как видим, большинство из новаций неоднословны, многие выражения являют собой коллокации или фразеологизмы.

Их возникновение часто связано с тем, что в процессе коммуникации появляется потребность выразить определенное понятие, передать через конкретный образ живое, наглядное представление о ком-либо или о чем-либо: *утечка мозгов, ночная бабочка* (о проститутке). Но есть и такие, которые выполняют номинативную функцию и не имеют экспрессивной окраски: *политическое шоу, информационное поле* и под.

Либерализация (жаргонизация, проникновение иностранных элементов и т. д.) русской литературной речи, о чем с тревогой говорят не только лингвисты, но и вся общественность, конечно же, влияет на языковую ситуацию в данном регионе Беларуси. Это следствие, в первую очередь, широкого распространения российской печатной продукции (СМИ и художественной литературы), трансляции российского телевидения, которое у нас

более популярно, чем свое, белорусское, глубокая русификация образования и науки. И вот уже на Витебщине звучат выражения: *запомнить об этом* (вместо *запомнить это*), *последнее время* (вместо *в последнее время*), *я вот что хотел спросить* (вместо *я вот о чем хотел спросить*) и др.

Все большее распространение на Витебщине получает бюрократический стиль: *проплатить* (вместо *оплатить*), *прописать в законе* (вместо *ввести в закон*), *разрулить ситуацию* (вместо *найти выход*), *озвучить* (вместо *выступить с сообщением*), *педалировать* (вместо *ускорять*), *по большей части* (вместо *чаще всего*) и др. В качестве бюрократического новояза можно привести также такие примеры: *компетентные органы, решать вопрос, по соображениям политического характера, семья народов, кабинетные битвы, трудовой десант, бойцы стройотрядов.*

В русский язык Витебского региона активно проникает формирующийся новый функциональный стиль – бизнес-коммуникация: *акция, спонсор, приватизация, биржа, демпинг, инвестиции* и др.

Как известно, литературный язык изменяется во времени. Так, в разное время в русский язык вошли, например, такие слова, без которых нынче трудно его себе представить: Н. М. Карамзин ввел в язык слова *промышленность, общественность*, М. Е. Салтыков-Щедрин – *мягкотелость*, Ф. М. Достоевский – *стушеваться*, В. Маяковский – *дождинка*, В. Хлебников – *летчик*, И. Северянин – *бездарь* и т. д. Но при этом русский язык устойчиво сохраняет в веках свою нормативно-литературную основу. Система литературных норм, разработанная еще М. В. Ломоносовым в его «Русской грамматике» (1755), определила дальнейшую судьбу русского языка и в целом, хотя сейчас она активно расшатывается при помощи СМИ. Так, *спонтанный* заменяет красивое русское слово *случайный*, *паритет* заменяет *равенство*, *имидж* – слова *образ, облик* и т. д. Закономерное развитие языка следует отличать от такого его засорения.

Падением уровня нравственности можно объяснить широкое вхождение в бытовую и публичную речь слов и выражений из уголовного жаргона. Такое его засилье хорошо объясняет писатель Э. Лимонов: 1/3 населения бывшего СССР сидела в тюрьмах и лагерях, 1/3 их охраняла, а еще 1/3 приняла в свои семьи тех и других. Это и вызвало невиданный вал тюремного жаргона: *шмон, малина, крыша, наехать, опустить, отмазать, закосить, обуть, наколоть, продинамить, барыга, братва, ломать кайф, точняк, сидеть на игле* и др. Такие слова внедряют в наше сознание миропонимание антиобщественной группы людей. И этим данный жаргон опасен.

Ужасает и влияние в регионе иностранных языков (в частности, английского): *саммит, брейндрейн, бойфренд, приватный, легитимность*. Многие родители связывают успешность ребенка с его знанием английского языка, а о русском вспоминают, только когда возникает необходимость сдать тесты для поступления в вуз. Но это правильно лишь отчасти.

Для Витебского региона характерен целый ряд довольно новых языковых явлений. Например, возвращается лексика, до 90-х годов считавшаяся устаревшей: *гимназия, лицей, губернатор*. В связи с новыми глобальными явлениями в мире в язык жителей региона, особенно молодежи, проникли следующие лексемы: *трампизм, трампец, трампатизм, трампономика, Трампункт = Белый дом*, а также *Брекзит, Фрекзит, Грекзит* и т.д.

Активно развивается и внедряется в обыденный язык жителей профессиональный жаргон (юридический, экономический, политический): *встреча без галстуков, висяк*; разговорные элементы, широко употребляющиеся в публицистике и имеющие экспрессивно-стилистическую окраску: *развлекуха, журнализды, кремлядь, либерасты*.

Возникают семантические неологизмы: *озеленение* (исламизация) и др.; появляются новые фразеологизмы и пословицы: *Не выпьешь колу, не кончишь школу; Хлеб дает нам не Христос, а машина и колхоз; Трудно жить не работая, но мы не боимся трудностей; Пускай работает железная пила, не для того меня маманя родила*.

Особый интерес в региональном пространстве вызывают имена собственные, которые являются хранителями национальной и региональной культуры. Причем для региональной языковой личности региональные имена собственные часто имеют даже большее значение, чем имена собственные, носители которых обладали мировым авторитетом, так как восприятие региональных имен сопровождается самыми разными эмоциями. Примером таких региональных имен Витебщины только в XX веке являются *З. И. Азгур, В. Быков, Л. С. Выготский, Л. М. Доватор, В. И. Качалов, В. С. Короткевич, Л. Лагин, Н. О. Лосский, К. Малевич, П. М. Машеров, Ю. Пэн, И. И. Соллертинский, П. О. Сухой, М. Шагал* и многие другие. Названные личности внесли огромный вклад в мировую культуру и цивилизацию, но на протяжении всей своей жизни помнили о Витебске. Например, основной темой творчества М. Шагала был быт Витебска, он и стал фоном многих его картин: «Моя невеста в черных перчатках», «Художник перед собором», «Над Витебском», «Над городом», «День рождения», «Лежащий поэт» и мн. др.

Важными средствами представления коммуникативного пространства региона являются также природные объекты, материальная культура, духовная культура (музыка, театр, архитектура, изобразительное искусство, народная культура) и др. Даже грамматику затронуло разрушение системы языка – в ней стали активны процессы сорбции: *молодежка, персоналка, портативка, гуманитарка*, а также широкое использование иностранных аффиксов, например, *-инг-*. Процесс деидеологизации языка проник и в регион, что выражается в крушении системы идеологем тоталитарного языка, разрушении категорий тоталитарного мышления. Процесс детабуирования хорошо виден в жанре Витебской частушки: *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью*.

Таким образом, новые явления в языке региона можно оценивать либо как языковую революцию, либо как мощную динамику языковой системы со всеми разрушительными и одновременно обновляющими эту систему послед-

ствиями. При этом мы вынуждены констатировать, что через язык в регионе наносится существенный урон морально-нравственным устоям общества, потому что он не только отображает, но одновременно искажает мир, формируя особого человека.

Итак, современный стиль мышления техногенной цивилизации породил новый язык – язык примитивно-уродливого, чрезмерно прагматичного технического мышления, когда о жизни говорят в военных или медицинских терминах, сплошь метафоризированных: *битва за урожай, операция на Донбассе, правофланговый, быть в строю, нанести удар* и т.п. Тем не менее в целом русский язык в нашем регионе более консервативен, чем в России. Для него характерна меньшая скорость распространения языковых нововведений, большая устойчивость к иноязычному влиянию. Это связано с ментальностью нации, которая сама по себе достаточно консервативная, «памяркоўная».

5. Немаловажное место в формировании коммуникативного пространства региона занимают СМИ, постепенно начинает формироваться региональная интернет-коммуникация. В Витебском регионе наблюдается следующая картина.

В Витебске есть 2 государственных телеканала: «ТВТ» и «Беларусь-4 «Витебск» и по одному каналу в Новополоцке («Вектор ТВ»), Лепеле и Поставах («Поставы ТВ»). Есть ряд негосударственных телеканалов: АРТ «Видео-48 канал»; «Наше ТВ»; «Саммит ТВ» и «Скиф» (региональные студии Витебска, Орши, Полоцка).

Государственные печатные СМИ Витебской области – 24 газеты: областная газета «Витебские вести»; городская газета «Віцьбічы»; витебская районная газета «Жыццё Прыдзвіння», оршанская районная газета «Аршанская газета»; полоцкая районная газета «Полацкі веснік»; новополоцкая городская газета «Новополоцк сегодня»; лепельская районная газета «Лепельскі край»; бешенковичская районная газета «Зара»; браславская районная газета «Браслаўская звязда»; верхнедвинская районная газета «Дзвінская праўда»; глубокская районная газета «Веснік Глыбоччыны» и др., а также 17 негосударственных периодических изданий, например, христианская независимая газета «Колокол-The bell»; газета для досуга «Балясь»; информационно-рекламная газета «Впрок Витебск»; полоцко-новополоцкая газета «Астропрограма» и др.

Радиовещание представлено на Витебщине государственными и негосударственными радиоканалами: Глубокское местное радиовещание; Лепельское местное радиовещание; Поставское местное радио; Шарковщинское районное радиовещание и др.

Региональные СМИ гораздо консервативнее столичных, что объясняется медленным проникновением в них различных новаторских идей и приемов. Почти для всех названных региональных средств массовой коммуникации характерны жанровые изменения, трансформация языка, более или менее широкое использование отдельных стратегий. Рассмотрим это подробнее.

Жанры региональных газетных СМИ до начала XXI в. представляли собой непротиворечивую традиционную систему, которую составляли заметка, репортаж, корреспонденция, некролог и др. (информационные жанры); комментарий, статья, рецензия и др. (аналитические жанры); очерк, фельетон, памфлет, житейская история и т.д. (художественно-аналитические жанры). Исследования А. А. Лавицкого позволили говорить о следующих жанрах региональных газет: 1) информационно-аналитические, 2) справочно-развлекательные и 3) рекламные жанры [55].

Сравнение с республиканской прессой, где аналитика сохранилась хотя бы в незначительной степени, позволяет утверждать, что в региональных газетах снизилась аналитическая составляющая, что связано с мультипликационностью мышления современной языковой личности, которая не нуждается в развернутой аналитике. Изменения в социальной жизни повлекли за собой значительные трансформации в системе периодических печатных СМИ: исчезли такие жанры, как фельетон, памфлет, эпитафия и др.; сформировались новые виды газетных публикаций (реклама, PR-тексты, справочные и развлекательные материалы). Внутренней модификации подверглись традиционные жанровые формы текстов (взаимная интерференция аналитических и информационных текстов) и т.д. Данные явления к настоящему времени еще не получили полного теоретического осмысления и описания.

В региональных газетах широко используются такие жанры, как интервью и беседа. В интервью, в отличие от беседы, участники не являются полноправными партнерами: ведущая роль принадлежит журналисту, который определяет основные параметры разговора (тематику, характер, последовательность вопросов и т.д.). Журналист здесь выступает как менее информированная сторона, запрашивающая информацию у собеседника. Такой подход позволяет рассматривать теорию жанров не в рамках журналистики, а в русле коммуникативной лингвистики. Можно отметить также экспансию справочно-развлекательных жанров (житейская история, кроссворд, анекдот, афиша и т.д.), занимающих более 20 % объема газетного номера. Экономические реалии развития региональной печатной прессы привели к увеличению количества рекламных текстов (в среднем около 15–18 % выпуска издания).

В газете появилась обширная диффузная зона жанров: речь идет не только об интерференции и трансформации в результате диффузии традиционного языкового и стилистического наполнения публицистического текста, но и о появлении на газетной полосе новых видовых форм журналистского материала с новыми функциональными и стилистико-языковыми характеристиками, например, PR-публикации.

Таким образом, сейчас система жанров диффузна и динамична, так как связана с социально-историческими, идеологическими, экономическими и другими изменениями в региональной общественной системе.

Как показал наш материал, одной из главных стратегий в региональных газетах является стратегия солидаризации с адресатом, которая осуществляется через тактики «мы-презентации», псевдодиалогичности, антиципа-

ции читательской оценки ситуации. Так, местоимение *мы* не только объединяет пишущего и читателя (*мы в гостях у ...*), но и внушает чувство равноправной коммуникации, отсутствия иерархии «газета – читатель» (*болеем за наших; участвуем и побеждаем...*). Используется псевдиалог, когда читателю дается мнимое право голоса. Это своего рода эрзац-коммуникация (*Как составить бизнес-план?*). Как тактика может применяться псевдоотталкивание информации, фактически выступающее побуждением человека к чтению: *Тот, кто считает, что нет ни Бога ни черта, может эту статью не читать* («Витьбичи», 2018, статья «Лабиринт»).

Происходит довольно сильная трансформация языка. Покажем этот процесс только на лексических средствах. Для публицистического дискурса в целом и для региональных СМИ в частности характерно выхолащивание из слова основного значения и усиление связанных с ним коннотаций, как правило, положительных: *вкусный поединок* – конкурс на лучшую организацию питания («Аршанская газета», 2019, №38). Сейчас в региональных газетах часто встречается «затуманивание смысла»: *киллер* – это слово, в котором не видна его страшная суть убийцы, нелюдя, сделавшего убийство своей профессией; животных *усыпляют*, вместо слова *ложь* все чаще используют *неточности*, вместо *сумасшедший* – *неадекватный*, *досадные потери в Луганске* – это убийства русских добровольцев и т.д.

Таким образом, можно сказать, что лексическое манипулирование активно проявляет себя в публицистическом дискурсе либо через изменение значений слов, либо через выбор определенных слов для обозначения объектов. Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность этих значений и значений одних и тех же языковых знаков, свободная замена объективного субъективным и наоборот; акцентирование синонимических и ассоциативных связей слов, модальность высказываний, оценочность семантики и др., преднамеренно и целенаправленно используются журналистами. Можно ли это назвать языковой игрой? Скорее всего, это игры в слова, ибо слишком уж серьезен их результат.

Среди словесных манипуляций журналистов часто встречается деформация фразеологизмов (отчасти из-за низкой грамотности местных журналистов): смешение паронимов: *наложить руки и приложить руки* – *Мы работали там и тут, здесь и там – повсюду, где была возможность наложить, то есть приложить руки* («Витьбичи», 2018, № 43); игра на подтексте *чисто попить*, где задействовано сразу 2 значения слова *чисто* – использование его как частицы в новоязе и как наречия от *чистый*.

Характерной особенностью витебских газет является широкое употребление метафор, которые построены преимущественно на военной и «больничной» лексике: *битва за избирателя, информационная война, атака на демократию, дипломатические битвы, удариться в бегство, брать штурмом, ставить кордоны; шоковая терапия, общество находится на пути к выздоровлению, финансовый кризис*. Например: *Истории, которые произошли*

в Октябрьском районе Витебска, – одна глупее других, а общее у них то, что все преступники ударились в бегство («Витьбичи»); *Работать, чувствуя острие времени...* («Витьбичи»); *Преступникам поставлены кордоны...*; *финансовый кризис продолжается...* («Витебский курьер»).

Широко используются в прессе Витебщины также «морские» метафоры, хотя процент «морского» населения равен нулю: *всплыть в памяти, на всех парусах, буря в стакане, быть на мели, найти тихую пристань, взять на бордаж, стоять на вахте, каким ветром занесло, бежать, как крыса с тонущего корабля, взять курс, следовать в кильватере, семь футов под килем* и др. Например: *Всплывают в памяти встречи с ветеранами, которые...; в нашей области взят курс на дальнейшее развитие вкусной продукции...* («Витебский проспект»).

Наш анализ показал, что языковая игра как разновидность игры вообще пронизывает весь язык публицистики и, соответственно, почти все публицистические жанры: от бытового диалога в газете, где она существует в виде ходячей шутки или просто в виде отзвучий, «штучек-дрючек», до рекламного слогана, газетного фельетона, интервью. Будучи вездесущей и освоив все языковые уровни – фонетику, словообразование, лексику, синтаксис и даже композицию, языковая игра в меньшей степени, чем в центральной печати, но все же встречается в газетных текстах: *Крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой* (о жидком супе); *Кишка кишке бьет по башке* (о голодном).

Особо следует сказать не просто об использовании, а об эксплуатации интертекстуальных связей: *Страсти по культуре; Танцы без правил; Надежда – мой комплекс земной!; Светит беззаконная звезда* и др.

В газетном тексте часто обыгрываются ложные этимологи: *Коммуналки – дети коммунаров*; антонимы: *Возможности медицины беспредельны, но ограничено число пациентов* («Витьбичи»). Нам встретилась даже паронимическая аттракция: *Старец в России, старикос в Афинах, старчелло – в Неаполе, стармен – в Ливерпуле* и т.д. («Новополоцк сегодня», 2017, № 32).

Хотя язык и порождается жизнью, в своем функционировании в газете он отрывается от нее (лжет сознательно или непреднамеренно), слова наполняются иным смыслом, язык сам начинает творить нашу жизнь, чтобы заставить нас жить по тем нравственным законам, которые он нам навязывает. Иногда читатель еще может выбирать вариант понимания, например, при сознательном использовании энантиосемии журналистом: *переизбрать* – 1) избрать на новый срок и 2) не избрать на новый срок; *миновать* – 1) случиться и пройти и 2) не случиться.

6. Учет культурных особенностей региона. Формирование мировидения региональной языковой личности тесно связано с ее культурой, поэтому одни и те же явления окружающей действительности по-своему представлены на различных территориях, в разных регионах. Существует мнение, что национальная (а возможно, и региональная) культура важнее общечеловеческой: «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-на-

родная и лишь в каком-то своем качестве восходящая до общечеловечности. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества» [19, с.138]. Наш материал позволяет констатировать, что в каждом белорусском регионе свой фольклор, свои обряды и обычаи. Даже праздники, идущие еще от язычества, празднуются в разных регионах по-разному [69]. Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Человек живет в контексте культуры, которая стала для него «второй реальностью», по Н. Д. Арутюновой. Культура – это результат специфической человеческой деятельности, т.е. искусственная среда. Если почти всякая деятельность порождает материальную культуру, то духовную – только та ее часть, которая носит сакральный характер либо связана с поисками смыслов бытия. Материальная культура – это созданная руками человека искусственная среда обитания, состоящая из совокупности объектов, например, техника и другие артефакты (памятники, дома, дворцы, крепости), облегчающие ему физическое существование. Материальная культура выражается в степени технологического, хозяйственного, социально-политического развития общества, ее достижениями являются автомобиль и стиральная машина, милиция и система законов и т.д., т.е. это утилитарно-технологическая сторона жизни общества.

Материальную и духовную культуру подчас трудно разделить, потому что между ними нет непроходимой границы, эти сущности взаимопроницаемы (материальные предметы могут нести духовный смысл: храм как архитектурное сооружение – материальная культура, а его сакральное назначение делает его предметом духовной культуры). Материальная и духовная культура неодинаково соотносятся в разное время: на протяжении конца XIX в. быт (материальная культура) всячески изгонялся из культуры, в наши дни культура изгоняется из быта.

Рассмотрим сказанное на примере того, как природный объект – река (вода) – преобразуется культурой в культурный объект и осмысливается в философии культуры (как концепт региональной лингвокультуры). Это главная река Витебщины – *Западная Двина*, древнее название *Эридан*. *Даугава* – «многоводная», так называется она на территории Латвии. Норманны называют ее *Дина*, *Дюна*, *Рудон*, а белорусы – *Заходняя Дзвіна*. Двина упоминается еще Нестором-летописцем. О реке Эридан писали Гомер и Гесиод. Река протекает через Россию (325 км), Беларусь (328 км) и через Латвию (367 км), впадая в Рижский залив Балтийского моря.

Концепт «Двина» не прямо отражает действительность, а является неким мыслительным образованием, замещающим в нашем сознании целый ряд объектов со сходным названием и функциями. Так, данный концепт замещает следующие смыслы: кормилица, защитница, объединительница живущих вдоль ее берегов народов. Эти смыслы – результат когнитивной деятельности человека. Кроме того, это культурно нагруженная когнитивная структура: *Двина* мудра и опытна, знает ответы на многие вопросы, всегда поймет и выслушает, такой она предстает в творчестве поэтов Витебщины:

*Улетают все печали прочь,
Я тебе одной открою душу.
Обнимая мягкими волнами,
Как никто меня умеешь слушать* (Ю. Сенченко).

В ядре данного концепта находится ценность. При ценностном подходе к культурно-языковой специфике концепта предметом изучения, в первую очередь, становятся те культурно значимые содержательные признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями социума, со стереотипами сознания и поведения. Так, Двина светлая, красивая, она заступница, она близкая подруга и родная витебчанам, как мать.

О реке сложено много легенд и мифов, песен и стихов, написаны книги, в центре которых Двина как ценность. Для многих витебских поэтов она отождествляется с Витебском:

*Мой Витебск, город на Двине,
Плеяды белорусских городов ты представитель* (А. Геращенко).

В поэзии региональных поэтов фиксируются образы Двины, созданные с помощью многочисленных тропов (чаще всего олицетворений), коннотации, игры внутренней формы. Так, в стихотворениях Ю. Сенченко река предстает перед нами в образе женщины с длинными, золотисто-голубыми косами: *Распустила косы светлая Двина, / Солнце расчесало их гребнем золотым.* В стихотворениях А. Бубалы Двина принимает образ матери, которая дождалась с войны своих сыновей.

При создании образа реки авторы широко используют эпитеты: *Здравствуй, Витебск родной, / Над прекрасной Двиной!* (Н. Дорофеев); *Над Двиной голубой. / ...Посвящаю свой вальс / Я любимой Двине и Дзвіне* (Л. Тиханчик); *... Бегала в росах над тихой Двиной* (О. Князюк); *... Над Двиной могучей.* (О. Ковалевская); *... Прыпадалі / Да гаючай Дзвіны* (А. Канпелька); *... Калі на стамленыя хвалі Дзвіны ...* (С. Законнікаў); *... И Двина глубока, быстротечна...* (Е. Каретникова); *... Абуджаная Дзвіна...* (А. Аркуш).

Если говорить о народной культуре Витебского региона, то в настоящее время только в фольклористике одним из основных направлений становятся региональные исследования, например, ряд статей В. Н. Поклонской, где анализируются частушки, заговоры, былички Витебского Поозерья. Эти явления неотделимы от народной жизни, от традиционной культуры белорусов, они соединили в себе дохристианское и христианское начала [77]. За десять лет (2002 – 2012) коллективом под руководством В. Н. Поклонской был собран богатый материал, нашедший отражение в сборнике «Былички Белорусского Поозерья», куда вошли 134 былички. Витебщина – это регион белорусско-русского пограничья, поэтому в сборнике есть тексты на обоих языках, но на русском их больше. Они подтверждают устоявшееся в науке мнение [3, с. 186], что былички следует делить на два типа: о недавнем событии и о пережитом в отдаленном прошлом.

Мифологические персонажи, встречающиеся в быличках, разнообразны: черти, лешие, водяные, русалки, колдуны и колдуньи, ожившие мертвецы, домовые и др. Причем встречаемость их такова: о чертях и чертовщине (37 быличек); о покойниках и душах усопших (34); о колдунах и колдуньях (28); о леших, водяных, русалках, домовых (28); о добрых духах (4), о полтергейсте (3). Как видим, такой количественный разброс подчеркивает специфику народных представлений о характере вмешательства потусторонней силы в повседневную жизнь и быт.

Хронотоп быличек Витебского Поозерья укладывается в общепринятые рамки: лес, поле, болото, вода, кладбище, дом, баня и т.д., время действия – ночь и сумерки. Отсюда пейзаж в них не совсем четкий, зловещий. Картины природы усиливают эмоциональный настрой, а порой и трагизм ситуации, безысходность, из чего следует, что культура начинается как продолжение природы, которая преобразуется культурой, поворачиваясь к нам неизвестным самой природе образом. Пример такой былички: «Вераснёўскім днём адзін рыбак, падпіўшы, вяртаўся дадому. Імжыла. Злева ад дарогі, да ракі, быў круты абрыў. Адразу нешта зашумела, загуло, і ён убачыў вялізную чорную птушку. Яна пралятала над ім, узмахваючы шырокімі крыламі і спрабуючы скінуць яго з абрыву. Ён лёг на зямлю і пачаў чытаць: “Ойча наш” Птушка паляцела».

Важно, что происходящее в быличках постоянно удостоверяется очевидцами, ссылками на свидетелей и прикрепленность к определенной местности: «Гэту гісторыю я пачула ад сваёй мамы»; «Моя бабка Варвара раскажывала мне, што в Зарянском озере в тридцатые годы затонула церковь»; «В Пальминке Авдотью Подкорытову никто из соседей не жаловал. Поэтому старались с ней не связываться»; «Было мне тады пятнаццать гадоў. Памятаю ўсё да драбнючкіх падрабязнасцяў, быццам гэта ўчора здарылася»; «У Білева памёр Косця Самахвалаў». В лучших своих вариантах былички составляют непреходящую ценность для современной культуры Беларуси.

Кроме быличек, записаны и изучаются заговоры Витебщины, которые представляют собой большую культурную ценность региона. Заговор – это магические слова, обладающие колдовской или целебной силой. Традиционно они исследовались как один из жанров народного творчества, однако отличающийся от остальных, которые являют собой коллективное ритуальное использование. Заговор имеет сугубо индивидуальную форму существования. Общее с другими фольклорными жанрами у заговора то, что он выполняет определенную культурную функцию. Еще одна яркая черта заговора – его практическая направленность, связанность с бытом: он способствует избавлению от болезни, предохраняет от зла, приносит успех. Проблема заговоров актуальна и сейчас: люди продолжают их использовать. Подтверждение их силы и действенности нашло некоторое научное обоснование: физиками доказано, что вибрации волн при произнесении слов вызывают изменения структуры воды, а человек, как известно, на 80 % состоит из воды.

Представленные в сборнике витебские заговоры различны в количественном отношении по районам: около 250 лепельских заговоров соседствуют с 7 браславскими, что свидетельствует, прежде всего, об исследованности района, а не о специфике функционирования и степени распространенности заговорной практики. С точки зрения объема заговоры Витебщины представляют собой довольно неоднородный континуум – от больших заклинальных текстов до небольших по объему, состоящих из одного-трех предложений, построенных по принципу подобия: «как происходит это, чтобы так же произошло то».

Если применительно к классическому лекарственному заговору можно выделять молитвенное вступление, нарративную часть и закрепку, то абсолютное большинство текстов на Витебщине записаны без молитвенных вступлений и закрепок, а сразу идет нарративная часть или обращение к болезни. Весьма условно весь корпус заговоров можно разделить на сюжетные и вокативные, хотя существует большое количество текстов, где развернутый сюжет затем завершает обращение к болезни, а заговор, который начался с вокатива, заканчивается кратким обозначением сюжетной ситуации. В этой группе обращаются конкретно к одной болезни, модальность обращения разворачивается от просьбы к угрозе, болезнь просят выйти или категорически выгоняют. На Витебщине доминирует именно вокативный тип заговоров. Приблизительно две трети опубликованных текстов представляют собой прямое обращение к болезни, которое не содержит ни молитвенных вступлений, ни предварительных замечаний.

Абсолютное большинство зачинов витебских заговоров – это обращение за помощью к христианскому персонажу – *Святые святочки, Господни денечки, помоги, Боже, от золотника. Я же никого не знаю, только Господа Бога, Святого Духа, Иисуса Христа, мертвеца (Лепель); Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Золотник заказываю, Бога вспоминаю. Бог помощь, а я с духом (Докшицы); Дохни, Господи, своим духом господним. Стань, Господи, на помощь, рабе божьей Анне на пользу (Лиозно); Святой Юрий – Егорий, Господи Боже, благослови. Святая Богоматерь, помоги и спаси мою скотинку (Полоцк)*. Популярными на всей территории Витебщины *Первым разком, лучшим / Божим часком* довольно часты в Шарковщинском, Глубокском, Лепельском, Чашницком, Толочинском, Оршанском, Дубровенском районах, а вот *Встану я раненько, умоюсь я беленько* записан в единичных текстах (Бешенковичи, Чашники).

Своими развернутыми зачинами выделяется юго-восток Витебщины, фактически зона, близкая к Поднепровью, где на помощь призываются рядом с Божьей Матерью, Господом Богом и Иисусом Христом и другие святые: *Двенадцать царей и двенадцать королей, и царя Давида упрашиваю и умоляю (Дубровно); Первым разком, лучшим часком, с хозяином Богом, св. Юрий, св. Николай, мать Покрова, помоги мне лечить (Орша)*.

В заговорах Витебщины молитвенное развернутое обращение за помощью к высшим силам могло составлять целый заговор. Простое перечисление всех праздников считалось целительным: *Святое Благовещение, святое Крещение, батюшка-чудотворец, Дух, Троица, Купала Иван, Казанская Божья мать, Ильинская пятница, Илья, Маковей, Спас, Богородица, Покров благослови. Святая мать Богородица, Святое Рождество, святой Серафим, святой Иван, Святые апостолы, все помощники, Господи, помоги, я помогаю и вы помогите* (Городок). Довольно частое обращение к заре – *Заря-денница, ранняя (или вечерняя) помощница, помоги, Боже (имя больного)* (Лепель, Орша, Толочин, Ушачи, Полоцк).

В закрепках констатация не своей – высшей – помощи реализуется в следующих вариантах: *Не сам я собой – Господней помощью* (Витебск); *Господи, помоги, я помогаю и ты помоги* (Городок). Лишь в отдельных заговорах можно встретить категорический перформатив *Я тебя словом убиваю* (Лепель, Чашники). В качестве и начала и конца подвинских заговоров очень популярны сравнительно простые формулы *Помоги, Боже, Бог на помощь*.

Нарративная часть структуры заговора. Безусловно, витебские заговоры являются органической частью общеполесских и, шире, восточнославянских: в них можно обнаружить большое количество параллелей с заговорами соседних народов. Это сходство основано прежде всего на универсальных принципах построения заговоров, среди которых уподобление, обращение к болезни с угрозами, просьбами, отсылками, предложениями; описание действий самого знахаря и обращение за помощью к другим персонажам. Специфика может быть обнаружена в превосходстве и большем развитии той или иной сюжетной линии.

Среди присутствующих частых мотивов выделяются: перечисление частей и органов тела (*пуд выбирать из русских волос, из светлых глаз, с белой кости, из красной крови, из-под локтей, из-под ногтей*), откуда болезнь должна быть удалена, и четкое формулирование локусов отсылки болезни, среди которых выделяются места, откуда болезнь и происходит, фактически тот свет – *Иди ты, грыжа, на мхи, на болота, на печальные лозы. Где птички не поют, петушиный голос не доходит и где люди не ходят* (Лепель).

По сравнению с полесскими заговорами обращает на себя внимание меньшая распространенность диалоговой структуры в текстах сюжетного типа (там речь между собой ведут сакральные персонажи), в данном случае ритуальный диалог, например, сопровождает и объясняет магические деяния – при выгрызании грыжи и, что особенно популярно, с месяцем при боли зубов.

Если же пытаться определить распространенность основных мотивов в составе заговоров Витебщины, то на первом месте однозначно разместится обращение к болезни, на втором – мотив пути сакрального персонажа и только на третьем – мотив мифологического центра. В других регионах

Беларуси на первое место выходят иные мотивы: в западной части республики отдается неоспоримое преимущество мотиву пути, мотив мифологического центра особенно частотен в зоне Поднепровья [42].

С продвижением на восток увеличивается эпичность текста, что выражается в четком обозначении пространственной характеристики действия, стремлении выделить центр и главный действующий персонаж. Да и сама палитра сакральных помощников становится все более и более разнообразной. Обращаются к Богородице, Богу и Иисусу Христу, на западе к ним присоединяются девки, баба, дед-белодед и др. Показательно, что в Витебских заговорах почти не встретишь святых Юрия, Николая, Михаила, как на Полесье, очень редко, почти единично, здесь зафиксированы Петр, Антипий, Фабиан, Тихон Задонский.

И хотя «помощь мощных сил выступает одной из основных принципиальных особенностей заговоров» [1], самый многочисленный блок заговоров Витебщины представляет как раз простейшую коммуникацию человека с болезнью. Знахарь или сам больной обращается к недугу с просьбами или требованиями разной модальности, стремится к выгодной для себя «делке».

И несколько замечаний относительно региональной характеристики одной из самых древних и показательных основных тематических групп заговоров от змеи. В блоке данных заговоров на востоке Витебщины (Орша, Лиозно, Шумилино) выделяются угрозы наслать на гадов небесных воинов с мечами и огнем. Сильно здесь убеждение в силе самого знахаря, который может наслать три тучи (Витебск, Городок) или победить змею одним взглядом или зарубить самому (Бешенковичи, Дубровно, Полоцк, Россоны, Толочин). Следует отметить, что такое подчеркивание собственной магической мощи в витебских заговорах и выделяет прежде всего блок «от змеи» как один из самых древних.

В коллекции заговоров Подвинья, представленной в «Полоцком этнографическом сборнике», наибольшее количество лекарственных заговоров. При этом до нашего времени сохранились именно те заговоры, которыми обладали почти в каждом деревенском доме: «от чирей», «от грыжи», «от золотника», «от зубной боли», «от крови», «от змеи», «от ночницы», «на сон», «от рожи», «от вывиха» и др. Почти не встречаются заговоры «от лихорадки», «от пушиц», «от колтуна». В то же время появился целый ряд новообразований, составленных по всем канонам классических образцов заговорной традиции. Это заговоры «от ревматизма», «от полипов в носу», «от колорадских жуков» и др.

Таким образом, на Витебщине существует большая фольклорная традиция: это и загадки, обрядовые песни и былички, заговоры и частушки, волшебные и бытовые сказки. Глубочайшая мудрость в них не могла быть создана только как вид досуга. Все эти жанры хранили бесценный опыт народа, укрепляли его нравственное отношение к жизни, «его нравственный

облик, были его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняли глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов» [1, с. 287].

7. Культурно-коммуникативное пространство городов региона может быть рассмотрено как когнитивная сфера, которая включает в себя важнейшие концепты, именами которых являются номинации городов; они функционируют в языковом сознании носителей региональной лингвокультуры в виде образов-концептов.

Концепт «город» является одним из наиболее значимых элементов культурной концептосферы любого народа, он приобретает особое значение в рамках современной парадигмы гуманитарного знания, будучи ключевой единицей категоризации мира. Рассмотрим, какие элементы образуют понятие *город* и затем ложатся в основу концепта «город». Н. Анциферов в «Книге о городе» писал, что «все пути в город ведут. Города места встреч. Города – узлы, которыми связаны экономические и социальные процессы. Это центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество» [6, с. 3].

Город является одной из составляющих структур цивилизации. Будучи социальной структурой, он отражает особенности развития общества и рассматривается как система организации жизни человечества, формировавшаяся на протяжении тысячелетий. В современной научной литературе существует множество определений города как социокультурного пространства: «Город – центр социальный, поскольку сосредоточивает интересы всех слоев населения и в нем формируются и развиваются в наиболее выраженной форме отношения древнего общества...» [94, с. 89]; «Город – это особый мир отношений, ценностей – материальных и духовных, это особая пространственная организация специфических структурных компонентов и это особое социокультурное пространство – интеллектуальное, языковое, коммуникативное» [34, с. 7].

Исторически город является средоточием и концентрацией ценностей, богатств, власти, знания, которые до его появления были рассеяны в пространстве, занятом тысячами малых поселений. Этимологическое значение слова *город* восходит к словам *ограда*, *граница*, *преграда*, *защита*, *укрытие*. Так, в «Историко–этимологическом словаре современного русского языка» говорится, что город – «крупный населенный пункт, как правило, являющийся административным и культурным центром областного или районного масштаба». Ср. украинское *город*, белорусское *горад*, болгарское *град*. Автор словаря отмечает, что древнерусское (с дописьменного периода) слово *городь* означало ‘ограда’, ‘забор’, затем оно приобрело значение ‘укрепление’, позже – ‘крепость’ и в настоящее время – ‘город’ [110].

Таким образом, город противостоит открытому месту, т.е. безграничному и неструктурированному пространству. Город – это форма, ограда, крепость, которая помогает выстоять перед Пустыней, Степью, Лесом. Это очеловеченное пространство, антропологически оформленное бытие. В общей системе концептов культуры город занимает особое место: он рассматривается нами в работе как особый тип диалога с миром.

Известно, что текстовое оформление города исследуется как философами (В. Давыдов), культурологами (М. Гришанин), литературоведами (А. Меркулова), семиотиками (Ю.М. Лотман), так и лингвистами, которые описывают город как концепт (О. К. Кириченко, Г. П. Корчевская и др.). Например, с точки зрения семиотики город «сложный семиотический механизм, генератор культуры <...> представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [58, с. 325]. Именно этим объясняется наш интерес к реализации данного концепта в газетном (публицистическом) дискурсе.

Концепты многих городов сегодня реконструированы. Это Петербург, Москва, Киев, Рим, Венеция, а также ряд провинциальных городов России (Оренбург, Екатеринбург, Волгоград и др.). Нами реконструируется концепт «Витебск».

Наши наблюдения за газетными публикациями позволили выявить важный факт: в современной прессе имидж города перестает быть категорией эстетической. Так, методом сплошной выборки региональных газет за 2017–2019 гг. нами было выявлено только 19 текстов об истории города и его культурных объектах, включая стихотворные материалы. По данным А. А. Лавицкого, в 2009–2010 гг. общее количество тематических материалов о городе достигало 52 [55].

Следует отметить, что, например, в «Витьбичах» было опубликовано несколько иллюстрированных материалов в рубрике «Неожиданный Витебск», представляющих собой подборку интересных фотографий отдельных уголков города. С опорой на СМИ было создано имя-символ, основанное только на географическом положении и на аналогии с Санкт-Петербургом – *северная столица*. Однако газетные тексты, включающие в содержание или заголовки символическое наименование города, тематически связаны с отдельными инфраструктурными, развлекательными объектами, описанием темпов их строительства, реконструкции, повествуют об их открытии и функционировании, но не содержат глубокого эстетического и исторического анализа.

Методом сплошной выборки из трех центральных для Витебского региона газет (областная газета «Витебские вести»; городская газета «Віцьбічы»; районная газета «Жыццё Прыдзвіння») были выявлены тексты, в которых город представлен следующим образом: наибольшее количество публикаций посвящено *жилищно-коммунальной сфере, благоустройству*

и строительству, власти, туристической привлекательности региона, промышленности, энергетике, образованию, спорту, культуре, экологии, единичны тексты о торговле, соцзащите, занятости населения, транспорте, санитарном состоянии.

Сопоставительный анализ результатов реконструкции концепта «Витебск» по материалам художественных (поэтических) текстов выявляет значительные расхождения в понимании и создании образа данного города.

Большинство лингвистов в настоящее время считают, что у концепта полевая структура. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический», подход является наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса. Концепт «Витебск» по материалам художественной литературы имеет полевую структуру. Её формируют единицы различных уровней языка, которые выстраиваются в иерархическом подчинении, определяя его полевую структуру. В ядре концепта находятся имя концепта, представленное его названием – *Витебск*, – и его характеристики как территориально-административного образования, куда включается его история возникновения, количество населения, характер застройки и др.

Лексическое значение концепта «Витебск» сводится к следующему: город, административный центр Витебской области. Таким образом, понятийное ядро концепта состоит из инвариантного понятия *город* и варьируемого регионально маркированного содержания *Витебск*.

Согласно «Летописи города Витебска» он был основан в 974 г. княгиней Ольгой: «В лето 974 Ольга, победив ятвягов и печенегов, переправилась чрез реку Двину и с войском заночевала. Понравилась ей гора, и она основала деревянный замок, назвав его, от реки Витьбы, Витебском; построила в Верхнем замке каменную церковь святого Михаила, а в нижнем – Благовещения и, пробыв два года, отправилась в Киев» [26, с. 94]. Эта легенда считается официальной, хотя не отличается исторической достоверностью, так как достоверно известно, что сама княгиня умерла в 969 г. Кроме того, археологи доказали, что упомянутые каменные постройки относятся к более позднему временному периоду. Скорее всего, при переписывании летописи были допущены ошибки.

Периферию концепта формирует образ Витебска как ценности, который состоит из следующих смыслов, выявленных на основе анализа языкового материала поэтических и прозаических текстов региональных авторов. Витебск – «духовное место». В этом образе он чаще всего противопоставляется своей внешней «неказистости». Противопоставление заключается в том, что внутреннее, духовное содержание атмосферы, жизни города не соответствует его внешнему облику:

Ангел над крышами

*Ты помнишь ль меня, мой город,
мальчишку, ветром вздутый ворот...
«...» Там, где дома стоят кривые,
где склон кладбищенский встает,
где спит река,
там золотые деньки я грезил напролет.
А ночью **ангел светозарный
над крышей** пламенел амбарной
и клялся мне, что до высот
мое он имя донесет (М. Шагал).*

У региональных витебских поэтов уровень духовности города настолько велик, что он становится местом, где может жить душа человека, оставив тело и разум:

*И сказал Шагал, чуть дыша
в час последний вдали от родины:
«Там осталась моя душа...» –
и глаза его синие дрогнули (Д. Симанович).*

Духовное начало города подчеркивается и усиливается представлением культовых сооружений, а также герба города:

***Стоят церквушки, храмы здесь,
Народ в достатке, в мире весь!
И герб его Иисус с мечом,
Святую веру мы несем!** (Nichelas).*

Витебск – «Родина, дом, бацькаўшчына». Город тесно связан в региональном языковом сознании с понятием малой Родины:

*Мой Витебск – ты мой дом,
Теплом семейным полон он (Н. Мятлушко)*

Как и все духовное, Витебск имеет свою «тайну», что-то загадочное, что хочется познать и разгадать:

*Горад Шагала
І горад Малевіча,
**Дай распазнаць
Таямніцу тваю!** (Неизвестный).*

Витебск имеет свою **тайну**. Она присутствует в неповторимости ландшафта, пересеченного излучинами рек, оврагами, чередующимися холмами, смешении культур и эпох в его архитектурном пространстве, в сгустке энергии, заставляющем творить художников и поэтов (Е. Терлецкий).

Витебск – «город творчества, искусства и вдохновения»:

*Здесь поэт подбирает такие слова,
от которых осеннее небо теплеет* (Е. Криклевец).

Я – из Витебска, где Шагал

Прямо с Замковой в небо взлетал,

Зацепился за облака –

и остался тут на века (Д. Симанович).

Витебск – «культурная столица Беларуси»: *Витебск всегда был культурной столицей. Имена Шагала, Пэна, Малевича, Быкова* (Л. Волкова).

Витебск – «наша история». Город привлекает и манит своей древностью, он пропитан и дышит ею:

Открой, история, страницу,

Где Витебск древний, молодой!

Княгиней Ольгой ты заложен

Над полноводною Двиной! (Л. Бикбулатова).

Никого кругом, от серых зданий

Веет тихой вековой тоской... (С. Мишурная).

Витебск – «провинция»:

Широко раскинулся Витебск родной,

На двинских берегах процветая;

Он город красивый, он город большой –

Окраина Русского Края! (А. Левшицкая).

Интерпретационная зона описываемого концепта состоит из элементов, чье содержательное значение требует дополнительной объективизации и осмысления. Такие элементы зашифрованы в эстетическом образе города, который является уютным и «неказистым» одновременно. При этом город остается спокойным, размеренным и красивым, даже волшебным:

Тихий, спокойный, задумчивый город,

Уютные улицы, простые дома (О. Светайло).

Петляют две серебрянные нити

По городу волшебной красоты (Э. Муллер).

Из приведенных здесь примеров мы видим, что поэзия и небольшие рассказы о Витебске ориентируют в первую очередь на эмоционально-эстетическое восприятие города – его красоту, культурную ценность, историю и волшебство.

Сходным образом представлены и другие города Витебщины (42 малых города и поселка городского типа с населением от 10 до 200 тысяч: Барань, Браслов, Верхнедвинск, Городок, Глубокое, Докшицы, Дубровно, Лепель, Миоры, Новополоцк, Новолукомль, Орша, Постава, Полоцк, Сенно, Толочин, Чашники и др.). Большинство из них находятся либо в белорусско-русском, либо в белорусско-латышском пограничье.

Мы попытаемся реконструировать названия хотя бы некоторых городов Витебщины как концептов-ценностей. Каждый топоним-концепт закреплён в языковом сознании жителей области, который нужно реконструировать.

Рассмотрим один из малых городов – Оршу, – находящийся в российско-белорусском пограничье. Материалом исследования послужили около 200 словоупотреблений с топонимом *Орша*. Особое значение придавалось этому топониму при функционировании в художественных текстах – стихах оршанских поэтов. Методы исследования – когнитивно-дискурсивное моделирование смыслов концепта в различных ситуациях (сценах), контекстах.

Мы предлагаем реконструировать данный концепт по следующей модели: ядро, периферия (ближняя и дальняя) и интерпретационная зона.

В ядре поля находится само имя ценностного концепта – *Орша*. В ближней периферии хранится фактологическая информация: первое упоминание о городе (в «Повести временных лет» в 1067 г.), где он назывался поселением на берегу реки Рши. Магдебургское право город получил в 1620 г. В 1772 г. он вошел в состав России и т.д. Эта часть информации активно использовалась ономастами всегда. Дальняя периферия – это культурно значимые признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями регионального социума, со стереотипами и образами регионального языкового сознания. Например, *И по сонным улицам гуляя, / По аллеям парка вдоль Днепра / Я вдруг очень ясно понимаю: / Нет роднее места у меня!* (Л. Рудковская). Основной смысл – родное место, малая родина. Наша знаковая фигура – В. Короткевич – об Орше писал так:

*Тут нарадзіліся думкі,
Воля, імкненні, жаданні,
Тут стаў я сынам краіны,
Абпален яе агнём...
Таму і люблю я Оршу
Першым вялікім каханнем...*

В стихах других поэтов Орша была и остается красавицей: *И ты будешь стоять красивой, молодой / Над ласковым Днепром, над милою Оршицей*. Эти и другие стихи местных поэтов о своем городе позволяют выявить следующие смыслы: Орша – светлая, родная, вечная любовь, древняя и вечно молодая, мудрая, труженица и др.

Интерпретационную зону еще можно назвать образной. Она реконструируется на основе художественных (поэтических) текстов, создающих яркий художественный образ города. Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» выдвинул идею о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть постигнута дискурсивно, она открывается человеку в образе. Это подтвердили также А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, отметив, что смысловое пространство культуры и человеческого сознания задается границами выразительных возможностей ее знаковых систем [83, с. 64]. В исследуемых нами текстах зафиксированы разные поэтические образы города, созданные с помощью многочисленных тропов, коннотаций, метафор и т.д.

*Город Орша тихий, как сон,
Золотых куполов чудный звон,
Река Днепр – вода, как стекло,
Город детства, в нем очень тепло.
У него глаза – синий лен,
Васильков цветущих миллион,
Поля всюду пшенично - ржаные
И дубравы красивы лесные (В. Кавецкая).*

В этом стихотворении Орша подобна сну; город стоит на Днепре, который чист как стекло, протекая среди дубрав; это город детства лирического героя, где он отогревается душой, поэтому здесь тепло. Город представлен с помощью нескольких символов белорусов – василек, лен, ржаные поля. Так в данном стихотворении объективируется содержание ментальных образований в сознании региональных поэтов.

Мы видим целый мир внутри онима. Его тоже нужно описывать. В топонимических названиях сохраняются лексические пласты разных времен и языков, архаические и диалектные черты, потому что географическая номенклатура накапливалась столетиями и сохранила в себе многое, что очень важно для пограничья. Полная реконструкция ономастических концептов позволяет проследить пути формирования метафорических и метонимических значений онимов, объяснить появление и функционирование многих национальных символов.

Таким образом, коммуникативное пространство региона представляет собой совокупность и результат ареально ограниченных социальных коммуникаций, региональных реалий (обрядов, обычаев, примет и т.п.) и знаний о них, а также об известных личностях региона, творцах материальной и духовной культуры. Все они репрезентированы языком. Термин *коммуникативное пространство* имеет междисциплинарный характер и рассматривается как особая среда, гетерогенная сущность, которая функционирует в культуре региона как нечто единое. Коммуникативное пространство невозможно четко структурировать в силу его диффузности и динамичности, но его можно моделировать. Попытка такой модели – это семь составляющих регионального пространства: место и время формирования коммуникативного пространства; коммуниканты как ядро коммуникативного пространства, языковая личность, социальные роли, тактики и стратегии коммуникации; язык жителей региона; совокупность сфер общения – СМИ и др.; учет культурных особенностей региона: материальная и духовная культура; культурно-коммуникативное пространство городов региона.